

Б. Хаттон

**Секретная миссия
Рудольфа Гесса**

УДК 94"1941/1945"
ББК 63.3(0)62
Х25

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Военная история»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хаттон Б.
Х25 Секретная миссия Рудольфа Гесса. Закулисные
игры мировых держав. 1941—1945 / Пер. с англ.
Е.В. Ламановой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. —
287 с. — (За линией фронта. Военная история).

ISBN 978-5-521-85507-0

Книга Бернарда Хаттона посвящена Рудольфу Гессу, ближайшему другу и заместителю фюрера по партии, который в мае 1941 года, за месяц до того, как военная машина Германии обрушилась на Советский Союз, с аэродрома близ Мюнхена отправился в полет к Британским островам. Его тайной целью было обсуждение возможности заключения мирного договора между Англией и Германией. Через несколько часов он стал пленником бойцов местной самообороны в горной Шотландии.

На основе секретных архивных материалов автор — убежденный антифашист — восстанавливает жизненный путь и характер Гесса, размышляет над причинами провала его миссии, описывает годы одиночного заключения в Шпандау, продлившегося до конца дней тайного «миротворца».

В книге приводятся редкие фотографии Гесса и его окружения.

УДК 94"1941/1945"
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-521-85507-0

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2010
© ЗАО «Центрполиграф», 2010

Гарольду, моему сыну

Раздумывая обо всей этой истории, я радуюсь, что мне не пришлось нести ответственность за то, как обращались и продолжают обращаться с Гессом.

Какова бы ни была нравственная вина Гесса, стоявшего столь близко к фюреру, с моей точки зрения, этого немца оправдывает его фанатичное безумное самопожертвование.

Он прилетел к нам по своей воле и, не имея полномочий посланника, обладал всеми его качествами. Надо понять, что Гессом должны заниматься не судьи, а врачи.

Уинстон Черчилль

Самое высшее, чего можно достичь — это прожить свою жизнь героически. Такую жизнь ведет человек, который, желая облагодетельствовать всех людей, преодолевает величайшие трудности и получает лишь жалкую награду или вообще *не* получает никакой.

Артур Шопенгауэр

Глава 1

ОДИНОКИЙ НЕМЕЦКИЙ ОРЕЛ

Всю долгую-долгую ночь германские бомбардировщики, волна за волной, пересекали береговую линию Британии и летели в сторону огромного красного зарева на горизонте. В Лондоне царил ад. По небу металась лучи прожекторов, непрерывно ухали зенитки, а британские ночные истребители бесстрашно бросались в бой, чтобы отогнать бомбардировщиков врага.

Лондон боролся за жизнь. Пожарные пытались погасить бушующее пламя, и по улицам, заваленным обломками разрушенных зданий, змеились пожарные шланги. Грохотали орудия, рвались бомбы, и в эту ка-

кофонию смерти и разрушения вливался резкий звон пожарных колоколов и вой сирен машин скорой помощи. Лондонская служба спасения города, и без того сильно перегруженная, отчаянно пыталась защитить его от все новых и новых волн вражеских бомбардировщиков, вторгавшихся в пределы Британии. Самолеты, которые уже сбросили свой смертоносный груз, набирали высоту, разворачивались и летели сквозь разрывы шрапнели на свои базы.

Стояла ночь 10 мая 1941 года. Лондон никогда еще не переживал такого сильного налета. (Это был последний массированный налет люфтваффе на Лондон, «посвященный» годовщине начала операции «Гельб» («Желтый») на Западе, закончившейся полным разгромом Франции, Бельгии, Нидерландов и британских экспедиционных сил. 22 июня 1940 г. французская армия, подписав перемирие с немцами, прекратила сопротивление, потеряв 84 тыс. убитыми и 1 млн 547 тыс. пленными. Немцы потеряли 45,5 тыс. убитыми и пропавшими без вести. После налета 10 мая 1941 г. основные силы люфтваффе были переброшены на Восток, против СССР. — *Ред.*)

Мозг британской противовоздушной обороны работал на полную мощь, стараясь защитить страну в тех местах, где по ней наносились самые ощутимые удары. Но в Шотландии, в 560 км к северу от Лондона, царил тишина. Сегодня Гитлер обрушил весь свой гнев на Лондон.

На севере британцам ничего не угрожало. Тем не менее они находились в состоянии боевой готовности, чтобы в любую минуту встать на защиту своей страны. И когда на командно-дальномерном посту оператор женских частей противовоздушной обороны сообщила о появлении на экране радара летательного аппарата неизвестной принадлежности, голос ее звенел от волнения. К шотландскому побережью со стороны Северного моря приближался одиночный самолет, который был уже недалеко от города Берик-апон-Туид (на севере Англии, у административной границы с Шотландией. — *Ред.*).

Сообщение об этом немедленно было передано служащим корпуса наблюдения, которые находились на своих наблюдательных постах, защищенных мешками с песком. Солдаты припали к своим наблюдательным приборам и стали осматривать ночное небо.

Вскоре самолет был замечен. Наблюдатели опознали его по звуку моторов, тупым концам крыльев и характерной форме воздушных рулей. Это был «Мессершмитт-110», летевший на запад со скоростью около 180 миль в час.

Впрочем, наблюдатели часто ошибались, особенно по ночам, и их сообщению, что границу нарушил Ме-110, не поверили. Все знали, что этот немецкий истребитель обладает весьма ограниченным радиусом действия. Ни один «Мессершмитт-110» не смог бы долететь от Германии до Шотландии, а потом вернуться назад. Тем не менее, когда он пролетал над Колдстримом, Пиблсом и Ланарком, за его курсом следили.

Лейтенант Том Хислоп, офицер полиции графства Ренфру, ехал на своей черной полицейской машине по Иглшемской дороге, возвращаясь домой из Дамбартона. С ним была его дочь Нэн, возглавлявшая женские части противовоздушной обороны. Том Хислоп вез ее домой на выходные. Радио в его машине было включено, и они услышали сообщение полиции: «Одинокый самолет противника пролетел над рекой Клайд и движется в сторону Глазго. Он не опознан, но должен рассматриваться как вражеский. Он, вероятно, неисправен. Все офицеры полиции должны быть готовы к его приземлению».

— Он пролетает как раз над нашими местами, — сказала Нэн.

Хислоп остановил машину на обочине, и отец с дочерью вышли в ночную тишину и прислушались.

— Я слышу звук мотора, — сказал Хислоп.

Нэн тоже услышала его. Самолет медленно приближался, и слабое поначалу урчание мотора превратилось в оглушительный рев. И вот он уже летит прямо у них над головой.

В эту минуту из-за облаков выглянула луна, и они заметили высоко в небе серебристый блеск. Самолет явно был неисправен: резко опустив нос, он быстро снижался. Если так пойдет и дальше, он неминуемо врежется в землю. Они увидели, как на серебряном фоне мелькнуло темное пятно, а потом вниз полетела небольшая темная капля, над которой вскоре раскрылся парашют. Самолет ревел, неумолимо снижаясь. Он исчез за горизонтом и через несколько мгновений выдал место своего падения душераздирающим скрежетом исковерканного металла.

Парашют отнесло ветром, и он скрылся из вида.

— Это и есть тот самолет, за которым нам надо было следить, — вздохнул Хислоп, усаживая Нэн в машину.

Он рассчитал, что самолет должен был упасть в полтора милях отсюда, и поехал по Иглшемской дороге до пересечения ее с дорогой Флорс. Здесь он остановил машину и прислушался, надеясь уловить звуки, которые могли бы подсказать ему, куда надо ехать.

Дорога Флорс вела к ферме Флорс, и Хислопу показалось, что он услышал крики, доносившиеся оттуда. Он снова завел мотор и поехал по узкой дороге.

Неподалеку от фермы Флорс стоял небольшой, побеленный известкой дом, в котором обитал главный пахарь фермы Дэвид Маклин — холостяк лет сорока пяти, живший с матерью и сестрой. Женщины уже легли спать, а он раздевался, когда до его ушей донесся шум летящего самолета. Он выключил свет, раздвинул шторы затемнения и взгляделся в ночную тьму. Вскоре самолет был уже над самым его домом, и летел так низко, что от грохота моторов на камине Маклина задрожали фарфоровые статуэтки. Когда самолет свернул в сторону, рев двигателей стал тише, а затем вдруг резко прекратился. В наступившей тишине было хорошо слышно, как свистит ветер в элеронах самолета. С каждой минутой он становился все слабее. Маклин понял, что машина вот-вот врежется в землю, и обхватил себя руками, ожидая взрыва. Но его не последовало.

И снова Маклин стал всматриваться в небо, но там ничего не было. Впрочем, нет... *было!* Он разглядел

сносимый ветром, медленно опускавшийся парашют, похожий в лунном свете на призрачное видение.

Дэвид Маклин торопливо надел куртку, всунул ноги в сапоги и постучал в дверь матери.

— На парашюте спустился летчик, — предупредил он. — Это может быть немец. Я пойду его искать, а тебе лучше встать.

Он выскочил из дома, подбежал к калитке, которая выходила на пастбище, и увидел, что парашютист уже приземлился. Дул ветер, и парашют вздувался и мотался, таская за собой летчика.

Когда Маклин подошел к нему, он пытался отстегнуть ремни парашюта. Маклин схватился за стропы и держал их, пока пилот освобождался. Он прополз пару ярдов, перевернулся на спину и сел, тяжело дыша.

Маклин смотрел на него с опаской, но в поведении летчика не было ничего угрожающего. Шотландец почувствовал, что тот настроен дружелюбно. Тем не менее он спросил:

— Вы немец?

Парашютист наконец совладал со своим дыханием. Он попытался встать, но его правая нога подвернулась, и Маклин инстинктивно поддержал его, расставив ноги, чтобы летчик смог на него опереться.

— Да, — ответил летчик с заметным акцентом. — Я немец. Меня зовут гауптман Хорн.

Он был почти на голову выше Маклина и гораздо крупнее его. Но пахарь не испытывал страха, поддерживая врага. Немец был настроен дружелюбно и, очевидно, надеялся на помощь.

— Пожалуйста, — произнес он, — отвезите меня в Дангейвел-Хаус. Это, должно быть, недалеко отсюда, а мне очень нужно встретиться с герцогом Гамильтоном. У меня для него срочное послание.

В этот момент самолет немца, упавший на довольно большом расстоянии от того места, взорвался. Огромный язык пламени осветил небо, выхватив из тьмы силуэты изгородей и деревьев.

— С вами в самолете никого не было? — с тревогой спросил Маклин.

— Нет, попутчиков у меня не было, — ответил немец. — Я прилетел один.

— Вы вооружены?

Немец приподнял руки:

— У меня нет никакого оружия. Можете меня обыскать.

Маклин быстро пробежал руками по его форме и убедился, что оружия под ней нет.

— Скажите, — спросил немец, — вы сможете сейчас же отвезти меня к герцогу Гамильтону?

Просьба была изложена таким тоном, каким отдают команды. Видимо, ему действительно было необходимо срочно увидеть герцога, и Маклин простил немцу приказной тон.

Но к тому времени парашютиста заметил еще один человек. Это был Уильям Крейг, который, несмотря на свои шестьдесят восемь лет, бежал к ним по пастбищу.

— Кто это? — закричал он. — Что здесь случилось?

— Это — немецкий летчик, — объяснил ему Маклин. — Бегите и приведите сюда солдат.

В Иглшем-Хаус на дороге Флорс размещалась часть королевских связистов, и Уильям Крейг побежал за ними. Маклин остался с летчиком.

Немец обнял шотландца за плечи, тяжело навалился на него, и они заковыляли к калитке. Сделав несколько шагов, летчик остановился и оглянулся.

— Я не могу оставить здесь свой парашют.

— Об *этом* можете не беспокоиться, — произнес Маклин.

— Я хотел бы сохранить его, — заявил немец. Он слабо улыбнулся. — Ведь он спас мне жизнь.

Маклин на мгновение задумался.

— Стойте здесь, — приказал он. — Я принесу ваш парашют. Но не пытайтесь бежать.

Он принес парашют, и они снова заковыляли к коттеджу.

Миссис Маклин ждала их у входа.

— Заходите побыстрее и закрывайте дверь. Тогда я смогу зажечь свет, — сказала она.

Когда свет зажегся, немец встал и поклонился.

Миссис Маклин посмотрела на него с удивлением:

— Вы немец?

— Да, я немец.

— Проходите-ка лучше в комнату и садитесь, — пригласил Маклин. — А ты, мама, принеси нам чаю, — сказал он матери.

Миссис Маклин поспешила в кухню, а летчик с облегчением опустился в удобное кресло и вытянул большую ногу.

Шотландец с любопытством смотрел на него. Ему казалось, что он видит сон. Могло ли ему прийти в голову, что он будет принимать в своем доме немецкого летчика?

— Далеко ли отсюда до Дангейвел-Хаус? — спросил тот.

— Нет, всего десять или двенадцать миль.

— Так вы отвезете меня туда? Мне срочно нужно переговорить с герцогом Гамильтоном!

Маклин почесал затылок.

— Давайте дождемся солдат. Они все устроят. Я ведь совершенно штатский человек.

Немец покорно кивнул.

— Я участвовал в прошлой войне, — произнес Маклин. — Мы сражались на высотах под Аррасом.

Немец улыбнулся:

— Я тоже воевал под Аррасом.

Этот человек был немцем... врагом. Маклину неожиданно пришло в голову, что проявлять дружеские чувства по отношению к врагу преступно. Он нахмурился и резко бросил:

— Да, вы воевали — только с *другой* стороны!

Наступило неловкое молчание, которое нарушила миссис Маклин, вошедшая в комнату с чайным подносом.

— Хотите чаю? — спросила она немца, который снова учтиво встал.

— Спасибо, — вежливо ответил он. — Но я не пью чай в такое время. Можно просто воды?

Миссис Маклин, ее сын и дочь пили чай, а немец — воду. Маклин подумал, что Крейг слишком уж долго

ходит за солдатами. Он не знал, что солдаты пошли на пастбище, и, увидев, что немец и его парашют исчезли, в этот самый момент прочесывали сараи и хозяйственные постройки фермы.

Немец вытащил из внутреннего кармана бумажник и, вынув оттуда фотографию, протянул Дэвиду Маклину.

— Это мой сын, — сказал он.

Маклин передал фото матери, которая с живым любопытством стала рассматривать ребенка.

— Красивый мальчик, — сказала она, возвращая фотографию

Летчик вздохнул:

— Кто знает, когда я теперь его увижу.

Тем временем Маклину пришло в голову, что его пленник, по-видимому, не простой человек. На вид ему было около пятидесяти — в этом возрасте летчики уже не летают. Форма у него была сшита из исключительно дорогой материи, а Маклин читал, что немецких пилотов одевают в форму из какого-то дешевого баракла. На руке у немца были дорогие золотые часы, а личный жетон висел на прекрасной золотой цепочке. Но больше всего шотландца поразили его летные сапоги, отороченные мехом. Они были сшиты из мягкой и гладкой кожи, которая обычно идет на изготовление перчаток, и явно на заказ. Да и сам немец был не из рядовых. Несмотря на его учтивость и намерение быть дружелюбным, он держал себя как человек, привыкший командовать и знающий, что его приказы исполняются мгновенно.

— Как вас зовут? — спросил Маклин.

— Я — гауптман Хорн. Альфред Хорн. А звание гауптмана соответствует вашему капитану.

В эту минуту в дверь постучали. Миссис Маклин открыла ее и ввела в комнату двух молодых армейских связистов, одетых в военную форму с голубыми и белыми флажками корпуса связи на рукавах.

— Мы обыскали вашего пленника, — произнес один из них и с любопытством посмотрел на немца.